

АКАДЕМИЧЕСКАЯ СРЕДА

АКАДЕМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

№ 06 (51), 2017

ОКНА АКАДЕМИЧЕСКОГО РОСТА
ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ БЮЛЛЕТЕНЮ

ВЫШКА В QS: комментарии экспертов

Вышка вошла в топ-200 рейтинга QS по таким предметным группам, как история, лингвистика и математика, а также в топ-100 по социологии.

Своим мнением о причинах и значении этого события для университета делятся эксперты, деканы и руководители школ по соответствующим направлениям, – Александр Каменский, Екатерина Рахилина, Владлен Тиморин и Александр Чепуренко.

Как вы относитесь к тотальному увлечению рейтингами в академической среде? Являются ли для вас рейтинги показателем развития университетов?

Александр Каменский,
руководитель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Мое отношение двойственное. С одной стороны, я считаю, что рейтинги важны именно как **показатель развития университета**. С другой, полагаю, что рейтинги нельзя абсолютизировать. Стремление любого университета попасть в рейтинг – это нормально, **но нельзя, чтобы это становилось *idee fixe***, поскольку в таком случае попутно может быть уничтожена та научная атмосфера, что представляет реальную научную ценность и работает на престиж университета в академическом сообществе, то, что отнюдь не обязательно тождественно месту в рейтинге. Это справедливо в том числе и применительно к отдельным ученым. **Приведу пример.** Недавно мы решили пригласить в один проект известного американского ученого, автора нескольких монографий, занимающего именную профессорскую позицию в Стэнфорде, т.е. в университете, входящем в топ-10. Однако выяснилось, что индекс Хирша у коллеги довольно низкий, и мы не можем пригласить его к себе. Нам как коллегам по цеху причины этого (т.е. того, что индекс ниже, чем нужно. – *Ред.*) понятны:

они связаны со спецификой предметной области, которой он занимается. Но объяснить это, например, тем, кто принимает решения о выделении грантов, довольно сложно.

Екатерина Рахилина,
руководитель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Понятно, что научные рейтинги – это попытка создать новые и по замыслу объективные инструменты для регулирования науки извне, даже без понимания сути дела. Но такими инструментами можно манипулировать, и наукометрия чрезвычайно благоприятна для имитаторов. Это как с сыром: если настоящего бри нет, мы выдадим за него что-то другое и сделаем вид, что это он; главное, что снаружи будет очень похоже. С этим псевдосыром я часто сталкиваюсь как эксперт ВАК: формально в диссертации вроде бы все на месте (актуальность, публикации, бывает, даже и в Scopus), но от науки все очень далеко.

Все знают **гениального лингвиста – академика Андрея Анатольевича Зализняка**. Он сделал столько для лингвистики (причем и теоретической, и прикладной), сколько никто и никогда, по крайней мере у нас. Среди прочего он придумал лингвистические задачи (из них выросла знаменитая и уникальная Московская лингвистическая олимпиада, а через нее прошли почти все крупнейшие российские лингвисты), создал Грамматический словарь русского языка (на базе которого работают все современные морфологические

анализаторы русского языка), прочел берестяные грамоты (и создал школу специалистов по новгородскому диалекту), доказал подлинность «Слова о полку Игореве»...

Только публикуется он исключительно по-русски, да и «скоплов» у него, пожалуй, по современным меркам **недостаточно**.

И вот проблема для руководителя науки среднего и высшего звена: и у Зализняка нет рейтинговых публикаций, и у какого-нибудь Пупкина, а как ему их различить? Его инструмент этого не позволяет. **Что же делать? Как тут руководить?**

Ответ неформальный состоит в том, что нужно создать **здоровый научный социум**. Здоровое сообщество ученых само заинтересовано в том, чтобы становиться лучше. У него есть свои точные внутренние рейтинги и гамбургские счета, оно самоорганизуется, само ставит интересные задачи и цели, само создает правильные журналы, само заинтересовано в своей конкурентоспособности, и лучше него никто ничего не сделает. А выдвижение на первый план формальных критериев дает исключительно формальные результаты.

Мне нравится, что **в Вышке есть содержательное отношение к науке**, что этим занимаются люди, которые ее любят и ценят. Мне нравится идея научно-учебных групп, проектная деятельность, индивидуальные гранты, поддержка экспедиций и полевых исследований. Мне нравится, что при отборе кадров на ставку профессора, доцента, да даже и просто преподавателя всерьез рассматриваются научные достижения претендента. Мне кажется очень ценным то, что **департамент может сам предлагать интересных ему приглашенных профессоров**, это важно и здорово.

Все это те самые «внутренние» инструменты формирования научного сообщества, и они хорошо работают: в Вышке создается и поддерживается качественная наука. Но вот формализованная оценка публикаций, оценка квартиля журнала, оценка качества самого журнала по условным формальным показателям в соответствии с «внешними» инструментами научного регулирования, которые у нас тоже используются, вызывают много вопросов и возражений – и у меня, и у моих коллег.

Владлен Тиморин, **декан факультета математики НИУ ВШЭ**

В академической среде, т.е. среди ученых, нет тотального увлечения рейтингами. Повышенное внимание к рейтингам (я бы не называл это внимание «увлечением») характерно скорее для администраторов. Думаю, их (наш?) интерес связан с тем, что на рейтинги завязано финансирование. Рейтинг как концепция соблазнителен удобством употребления. «Мы к такому-то году зайдем такие-то места в таком-то рейтинге» звучит проще и понятнее, чем любые попытки детализировать утверждение «мы станем очень хорошими». Ну станем мы хорошими. Как мы это докажем? Кто нам поверит? Когда мы запрашиваем ресурсы, мы должны апеллировать к объективным критериям. Очень часто в качестве таких критериев выступает **продвижение в рейтингах**.

Оно является ключевым индикатором правительственной программы 5-100. Финансирование университета сильно зависит от результатов реализации этой программы, в частности от позиций в различных рейтингах. Впрочем, набор индикаторов меняется.

Рейтинги являются показателем развития университетов в том же смысле, в каком нормальная температура является показателем здоровья организма. Одним из. Глобальные рейтинги показывают достаточно адекватную картину мира в плане качества науки и образования. Например, в каких странах с высшим образованием все в порядке, а в каких странах – не очень. Общеуниверситетские рейтинги адекватнее, чем предметные. Но продвижение в предметных рейтингах легче планировать и контролировать.

Верно то, что высокий рейтинг университета в данной области – я буду говорить про математику – в подавляющем большинстве случаев означает, что университет входит в число фактических лидеров. Впрочем, **есть интересные примеры накручивания**. Например, некий университет в одной далекой стране занял в 2015 году шестое (!) место в рейтинге ARWU по математике. Дело в том, что ARWU (Шанхайский рейтинг) учитывает число сотрудников университета среди ста наиболее цитируемых математиков мира. Университет просто купил аффилиации двадцати из этих ста математиков. Ученым предлагали весьма крупные суммы за то, чтобы они ставили аффилиацию с университетом в своих статьях. Больше ничего не требовалось. Не нужно было приезжать в ту далекую страну.

Рейтинг QS (подробно о нем см. в «Академической среде»: https://www.hse.ru/data/2012/11/23/1301711586/Area_14.pdf) **является по сути репутационным**, и его результаты **накрутить сложнее**. Впрочем, можно влиять на отдельные параметры. Одним из параметров является показатель «Цитируемость на статью». Он вычисляется как число всех цитирований статей по математике, поделенное на количество этих статей. Как цитирования, так и статьи берутся за один и тот же временной промежуток длиной в пять лет. Например, рейтинг 2017 года учитывает публикации и цитирования за 2012-2016 годы. Понятно, что среди цитирований будут доминировать те, которые ссылаются на статьи 2012-2013 годов. Более поздние статьи еще не успели процитировать. Таким образом, мы видим в рейтинге QS не текущее положение дел, а скорее положение дел по состоянию на 2012-2013 годы. А репутационная составляющая отодвигает нас по времени еще дальше. Например, репутация мехмата МГУ сложилась в так называемые «золотые годы» – это 1953-1968-й, но она до сих пор работает на рейтинг.

Возвращаясь к показателю «Цитируемость на статью», интересно также заметить, что **объем публикационной активности стоит в знаменателе**. Таким образом, если бы начиная с 2014 года мы полностью прекратили публиковаться в математических журналах, то наше положение в рейтинге 2017 года было бы только выше. Надо признаться, что со знаменателем у нас все плохо. Публикационная активность

в Вышке в области математики все время растет, причем наш факультет математики производит чуть менее 40 процентов этой активности. Несмотря на название нашего университета, предметная область с наибольшим числом публикаций – это математика.

Александр Чепуренко,
руководитель департамента социологии
факультета социальных наук

Вообще к рейтингам университетов я отношусь со смешанным чувством, примерно так же, как к ЕГЭ. Когда это один из механизмов комплексной оценки деятельности учебного заведения, то это хорошо, но когда он становится единственным механизмом, то это приводит к примитивизации науки и образования. **Фетишизация рейтингов порождает определенный административный зуд** в самих вузах, руководство вузов начинает поощрять достижение быстрых результатов, т.к. место в рейтинге становится едва ли не единственным критерием оценки его успешности. Особенно опасно это в закрытых бюрократических системах. Ректор среднего европейского университета много раз подумает, прежде чем будет побуждать профессоров публиковаться абы где, поскольку это повредит репутации в глазах конкурентов и потенциальных абитуриентов. Над ним смеяться будут!

А вот когда единственным «экзаменатором» является министерский чиновник, то строительство потемкинских деревень идет полным ходом. Это **принципиально меняет климат в коллективе**, превращает вуз в инкубатор, где нужно, так сказать, быстро снести определенное количество «яиц». Какого они будут качества и вкуса – это уже вопрос второй. Не случайно такого разгула рынка имитаций, как в бюрократически управляемых академических сообществах, нет нигде. Я, например, буквально каждый день получаю дюжины письма, где мне предлагают что-нибудь поправить – мой список публикаций, мой индекс Хирша и т.д. или «быстро опубликоваться» в журналах мирового уровня. Кроме того, в России появилась масса фейковых изданий, которые ориентируются на слабо искушенных представителей российского академического сообщества, предлагают им немедленно за сравнительно умеренное вознаграждение опубликоваться в непонятных журналах.

Далее, сами рейтинги бывают разные. Бывают, например, **рейтинги, созданные одним или несколькими университетами с целью обосновать их лидерские позиции**. Наличие таких рейтингов снижает доверие к любым рейтингам в принципе.

Но бывают и иные – более или менее независимые рейтинги. К ним можно прислушиваться. Хотя методика их составления тоже вызывает вопросы. Скажем, один рейтинг постоянно шлет мне запрос на участие. Но я всякий раз отказываюсь от заполнения анкеты, т.к. считаю себя недостаточно информированным, чтобы выбрать, условно, пять лучших университетов мира по такому-то направлению. **Во-первых**, я не обладаю исчерпывающим знанием обо всей оцениваемой

совокупности университетов. **Во-вторых**, я знаю несколько десятков ведущих специалистов в своей области. Но ответить, кто из них в каком университете работает, на память не всегда могу. **В-третьих**, что значит оценить силу университета по какому-то направлению – в области исследований, или в области подготовки кадров, или в том и в другом? Полагаю, что в силу ограниченности информации большинство экспертов этого рейтинга формулируют свои оценки зачастую **довольно случайным образом**: на слуху тот или иной университет – вот его и называют чаще.

Как вы оцениваете продвижение
НИУ ВШЭ в предметном рейтинге QS
по своей области? Каковы причины?

Александр Каменский

Конечно, попадание НИУ ВШЭ в топ-200 рейтинга по истории – это серьезный успех, который нас очень радует. Причины того, что нам это удалось, на мой взгляд, очевидны. Во-первых, мы сумели собрать уникально сильную команду, состоящую, без преувеличения, из лучших российских историков. ИГИТИ, а также созданные за последние семь лет новые научные центры исторического профиля сумели **в очень короткие сроки стать узнаваемыми и известными**, завоевать авторитет в международном научном сообществе. Вторая очевидная причина – это, несомненно, усилия руководства НИУ ВШЭ по стимулированию публикационной активности, которые далеко не всеми воспринимаются с восторгом, но которые, без сомнения, приносят плоды.

Екатерина Рахилина

Наше продвижение в рейтинге я оцениваю хорошо и считаю справедливым.

У нас в стране **хорошая теоретическая и прикладная лингвистика** – с давних времен, с 1960-х годов. Ее придумали математики вместе с лингвистами, и первым среди них нужно назвать ученика А.Н. Колмогорова профессора **Владимира Андреевича Успенского**. Идея состояла в том, чтобы применять к исследованию языка (и языков) формальные математические методы – и учить этому студентов-лингвистов. То, как отцы-основатели преодолели административные барьеры, придумали и открыли в МГУ маленькое лингвистическое отделение, В.А. Успенский описал в своей книге «Труды по не-математике». Если бы не они, мирового уровня лингвистики в России, пожалуй, не было бы. А так – есть, несмотря ни на что, причем не только в Москве, но и в Петербурге, Томске, Новосибирске, да много где. **Развивают идеи новой лингвистики** уже много лет совсем другие люди, но существует она потому, что когда-то Успенский и его друзья придумали эту идею.

Сегодня у нас есть довольно большое и разветвленное лингвистическое сообщество, которое самоорганизуется

и развивается, тесно взаимодействует с мировым. В МГУ наивысший предметный рейтинг имеет именно лингвистика: 13-е место в мире.

Однако отделение в МГУ известно уже почти 60 лет. Вышкинская лингвистика гораздо моложе – ей всего шесть лет. По простому расчету сейчас наше место должно быть минимум раз в 10 дальше от начала – примерно 150-е. Название нашего университета не для всех похоже на университетское, так что для многих наших коллег было полной неожиданностью обнаружить школу в школе: лингвистику в экономике. **Долгое время нас просто не было видно.** Но, судя по косвенным признакам, за шесть лет потенциал, кажется, уже стал заметным: например, в этом году у нас необычайно вырос конкурс по международному рекрутингу, причем документы к нам подали очень профессиональные люди. Действительно, **наши сотрудники публикуются, ездят на конференции, мы сами устраиваем конференции и приглашаем иностранных коллег.** Хорошо работает центр русского как иностранного, через него проходят многие, кто потом может рассказать не только об университете в целом, но и о его лингвистической составляющей. Лаборатория нейролингвистики мощно развернулась всего за четыре года, мы сотрудничаем.

А главное, мы любим наших студентов, стараемся дать им качественное образование и передать живой интерес к лингвистике. Когда гости приезжают, они этот интерес видят – и ценят.

Владлен Тиморин

Я оцениваю наше продвижение в рейтинге как закономерный и предсказуемый результат. По нашим внутренним ощущениям, **Вышка по гамбургскому счету находится в сотне лучших университетов в области математики.** Такое же суждение было высказано международным экспертным советом факультета, состоящим из выдающихся математиков. На тот момент (2013 год) трое из пяти членов совета были филдсовскими медалистами. Это фактическое положение (топ-100 по математике) довольно скоро, через два-три года, проявится в рейтинге QS и некоторых других рейтингах. Рейтинги показывают результаты с существенной задержкой, как я уже пояснил на примере QS.

Александр Чепуренко

Во-первых, Вышка много вкладывалась в расширение своей известности. Этому способствует и Апрельская конференция, и активное участие наших коллег в ведущих социологических конференциях за рубежом, и проведение нескольких крупных конференций на нашей базе, и наличие международной лаборатории под руководством Рональда Инглхарта и ее активность. Во-вторых, несколько лет назад

в университете изменилась система поощрений сотрудников в зависимости от качества публикаций. Это, конечно, отразилось на поведении коллег, на их исследовательской и публикационной активности, а соответственно, и на нашем месте в рейтинге. В частности, самыми активными в этом отношении являются преподаватели 30-50 лет. **Постепенно у них появился опыт подачи статей в рецензируемые международные журналы.** Люди выстроили определенные стратегии продвижения результатов своих исследований, научились правильно писать, правильно представлять статьи. И даже правильно их продвигать – через ResearchGate, LinkedIn и другие платформы. А поскольку потенциал-то у нас был достаточно высокий, так как без ложной скромности можно сказать, что **лучшие силы российской социологии сосредоточены в Вышке**, то он реализовался, когда ему придали определенное направление.

Наконец, мы пытаемся в меру возможностей и ресурсов делать что-то, чтобы в департаменте была интересная научная жизнь. У нас проводятся семинары и конференции для разных категорий сотрудников, приезжают зарубежные коллеги, постоянно что-то происходит.

Однако реализация политики, которая направлена на то, чтобы наиболее амбициозная часть преподавательского состава публиковалась в ведущих международных журналах, таит в себе и определенные риски для российского академического сообщества. Нужно сказать, что **в стране есть ряд хороших социологических журналов, которые испытывают большие трудности с формированием авторского состава.** Это понятно: ведь если значительная часть наших коллег, и не только в Вышке, но и в других сильных университетах, ориентирована на публикации на английском языке в международных журналах, то они выбывают из авторского актива российских журналов. Что приводит к определенному изменению научного уровня этих журналов – как мы понимаем, не всегда в лучшую сторону. И понятно, что все это сказывается на внутрироссийском академическом дискурсе, на качестве отечественной науки.

Поэтому нужно предпринимать **целенаправленные и долгосрочные усилия** по продвижению российских социологических журналов в Scopus и Web of Science, не останавливаясь на достигнутом, проводить **больше международных научных мероприятий в России**, активизировать все формы научных обменов, приглашать в российские вузы на привлекательных условиях представителей российской научной диаспоры – в общем, **делать все возможное**, чтобы наши места в международных рейтингах отражали не уровень неизвестности, а оценку качества российской вузовской социологии и ее отдельных игроков.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Анастасия Нарышкина.

Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677. Дата выпуска: 01.06.2017.

Подписаться на рассылку можно здесь: <http://okna.hse.ru/subscribe>